

Елена Арсеньева

Французский поцелуй (Императрица Елизавета Петровна)



Часть сборника
Царица любит не шутя
(сборник)



Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Французский поцелуй
(Императрица
Елизавета Петровна)**

«Автор»

2004

Арсеньева Е. А.

Французский поцелуй (Императрица Елизавета Петровна) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», 2004 — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

«Париж, Версаль, апартаменты маркизы де Помпадур, 1755 год– Не
хмурьтесь, м... мадемуазель. Что такое? Вам неудобно?– Я ненавижу
корсеты!...»

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева

Французский поцелуй

(Императрица Елизавета Петровна)

Париж, Версаль, апартаменты маркизы де Помпадур, 1755 год

– Не хмурьтесь, м... мадемуазель. Что такое? Вам неудобно?

– Я ненавижу корсеты!

– О, понимаю. При вашем сложении корсета вроде бы и не надобно, талия ваша удивительно тонка, однако что поделаешь: таковы узаконения моды! Совершенно немислимо даме вашего положения показаться в обществе без корсета.

– Я не могу дышать. Ох, я сейчас в обморок упаду!

– Кстати, хорошая мысль! Имейте в виду: слезы и обморок – очень сильное оружие. Не стоит применять его часто, чтобы у мужчин не выработалась привычка, но изредка пользоваться этими маленькими дамскими слабостями очень полезно.

– Благодарю за совет, мадам. Следует ли понимать его так, что вы сами порою используете эти маленькие слабости в отношениях с его величеством?

Дама, которой адресовалась реплика, подняла тщательно подчеркнутые брови. Вообще-то она родилась светлой блондинкой (совершенно белобрысой!) и брови име —

ла белесые, да и вообще была довольно бесцветна, однако об этом никто не догадывался, ибо все ухищрения косметики были к услугам самой могущественной особы во Франции – мадам Помпадур, фаворитки его величества короля Людовика XV. Что и говорить, особа, ненавидевшая корсеты, шутила с этой дамой весьма неосторожно...

Впрочем, мадам Помпадур находилась нынче в отличном расположении духа. Кроме того, она, бывшая некогда пылкой любовницей короля, из-за болезни превратилась теперь в его ближайшего друга и самого надежного советника. И когда речь шла о государственных делах (а сейчас в ее присутствии как раз происходила подготовка к одному из серьезнейших, какие ей только приходилось решать!), она снисходительно пропускала мимо ушей всякую ерунду вроде подобных рискованных намеков.

– Мне, пожалуй, следовало бы рассердиться, но разве это возможно, когда глядишь на такую милашку? – нежно усмехнулась она, лаская двумя пальцами шелковистый, нервно вздрагивающий подбородок «милашки». – К тому же вы правы, дитя мое. Я такая притворщица, такая притворщица... Но вы, пожалуй, дадите мне фору, как говорят наши враги англичане, не так ли? А теперь прошу вас, наденьте нашей куколке юбки, – кивнула она в сторону.

– Пресвятая Дева! – пробормотала вышеназванная «куколка», с непритворным ужасом глядя на громоздкое куполообразное сооружение из пяти рядов закругленных тростниковых прутьев, которое выставил на середину комнаты портной. Внизу сооружение было непомерно широким, а сверху сужалось до размеров затянутой в корсет талии. Обручи скреплялись меж собой клеенкой. – А вот интересно, как в этом *reifrock*¹ прикажете падать в обморок?! Обручи-то сломаются!

– Вы предпочитаете немецкое название? – удивилась мадам Помпадур. – Мне больше по душе наше французское слово «криолин». И не пугайтесь, тростник достаточно гибкий, и сломать его очень непросто. Разве вы не убедились в этом на балу у герцога де Ниверне, когда некая высокая особа повалила вас на оттоманку и задрала вам юбки? А, моя прелесть?

¹ Юбка с обручами (нем.).

«Моя прелесть» мысленно сказала: «Туше!»² – и сделала мадам Помпадур самую бесхитростную и чуточку виноватую улыбку, ибо упомянутой высокой особой был сам король...

После чего надевание кринолина и натягивание на него двух юбок, нижней – с легкими, воздушными оборками, и верхней, с разрезом спереди, дабы были видны эти самые оборки, она перенесла в смиренном молчании, изредка перемежаемом страдальческими вздохами.

– Ну вот, – довольно сказала мадам Помпадур, когда последние булавки были прилажены, а последние шнурки завязаны. – С одеждой покончено, теперь кутюрье может уйти, а мы пригласим куафера. Ну, полно кланяться, мсье, у нас мало времени. Прощу вас, уgomонитесь! А вы, – дама вновь кивнула в сторону, – лучше займитесь прической этого очаровательного создания.

– Рад служить, мадам! Счастлив служить... – засуетился куафер.

– О-о! Ради всего святого, осторожней! – завопило вдруг «создание». – Вы обожгли мне лоб! Разве не лучше было бы надеть парик, чем навивать эти дурацкие бараньи кудряшки?!

– О Боже, вы рассуждаете, словно какая-нибудь прусская графиня, которая живет допотопными представлениями о красоте! – возмутилась мадам Помпадур, в душе которой ненависть к пруссакам равнялась только ненависти к англичанам. – Парики уже отошли в прошлое, их носят только крестьяне, а что касается дамы, доверие которой вы должны завоевать, то она их никогда не любила. Она гордится своими рыжими волосами и лишь слегка припудривает их, а причесывает гладко или немного взбивая. Ну, гладкая прическа вам едва ли пойдет, поэтому здесь надо будет поднять, и еще вот здесь, а тут мы опустим локон. – И мадам Помпадур, делая вокруг своей бесподобно причесанной и, к слову сказать, весьма разумной головы причудливые жесты, дала понять куаферу, что именно от него требуется.

Куафер оказался мастером своего дела, и спустя какое-то время мадам восторженно вздохнула:

– Ах, это истинное произведение искусства! Вам нравится?

– Неужели вы думаете, что я смогу сделать это самостоятельно?! – ответило вопросом на вопрос «произведение искусства», взирая в зеркало со странным выражением, в котором тоска мешалась с восхищением. – Никогда в жизни! Или вы намерены пришпилить платье булавками к моему телу, а голову облить растопленным бараньим жиром, чтобы сия прическа закрепилась на несколько месяцев кряду? А?

Мадам Помпадур побледнела и так закатила глаза, словно намеревалась немедленно упасть в обморок и доказать объекту своих забот гибкость тростниковых обручей на своем кринолине.

– С вами поедет куафер и лучшая из моих камеристок, – наконец выговорила она слабым голосом, доставая из рукава надушенный платочек и нюхая его, как если бы одно лишь только упоминание о растопленном бараньем сале сделало окружающую атмосферу зловонной. – И все, довольно болтовни. Нам пора идти. Нас ждут принц де Конти³ и... и его величество король!

Санкт-Петербург, Зимний дворец, будуар императрицы Елизаветы, 1755 год

– Туже затяни! – сердито сказала Елизавета. – Слышишь, Маврушка?! Еще туже!

Маврушка, вернее, графиня Мавра Егоровна Шувалова, в девичестве Шевелева, была лучшей подругой государыни Елизаветы Петровны еще в ту пору, когда императрица была всего лишь рыжей царевной Елисаветкой, без всякой надежды взиравшей в будущее. Мавра оставалась в числе ближайших к ней дам и ныне, спустя четырнадцать лет после того судьбоносного ноябрьского дня, когда она Елисаветка на плечах гвардейцев, ошалелых, как и

² «Укол» – фехтовальный термин, означающий, что противник коснулся вас своей шпагой.

³ Людовик-Франсуа де Конти (1717–1777) – французский дипломат и военачальник, доверенное лицо Людовика XV, участник Семилетней войны.

царевна, от собственной смелости, ворвалась в Зимний дворец и свалила с престола императора-младенца Иоанна Антоновича VI, а также его мать-регентшу Анну Леопольдовну вкупе с супругом, Антоном-Ульрихом Брауншвейгским⁴. Выбора тогда у Елисаветки не было: несмотря на лень и скудоумие правительницы, до нее начала доходить мысль об опасности иметь у себя под боком дочь Петра, которую поддерживает гвардия, и царевну со дня на день мог ожидать монастырь либо вовсе плаха. Теперь Анны Леопольдовны уже в живых нет – после холмогорской-то ссылки! – а Иоанн гниет в Шлиссельбурге. Впрочем, при дворе о нем не говорят, его как бы и вовсе нет на свете.

Ну что же, царствование, начавшееся после этаких-то страстей Господних, оказалось совсем даже неплохим. А уж какие страшные приметы громоздились одна на другую во время коронации! И триумфальная арка, под которой должна была проехать Елизавета, вдруг оказалась повреждена, и во время пира у нее с шеи неприметно соскользнуло и невесть куда заделалось жемчужное ожерелье баснословной цены (ой, на том пиру вино такой рекой лилось, что себя потерять недолго было, а уж каким-то там жемчугам исчезнуть сам Бог велел!), и иллюминация не удалась (задумано-то было широко и пышно, а получился всего лишь жалкий пшик), и Преображенский дворец, любимый Елизаветой, потому что она в нем родилась, сгорел в одночасье... Эти приметы пророчили России весьма печальную судьбу, однако она в руке Елизаветы (в нежной ручке, подумала императрица, руки которой и впрямь были необычайно хороши, белы и мягки, однако в то же время весьма тяжелы, в чем вполне могли убедиться ее приближенные, ибо она с чисто русской щедростью и чисто петровской вспыльчивостью раздавала оплеухи направо и налево) и с помощью Божией неприятелями не стеснена, границ своих, установленных Петром I, не потеряла, а кое-какие вспыхнувшие войнушки оканчивает победоносно... Правда, на самых дальних границах, на реке Амуре, под стенами какого-то Богом забытого Албазина, зашевелились китайцы, желающие отнять у русских то, что некогда русские отняли у них, однако Господь не попустит ущемления великой России, Бог не оставит верную, богобоязненную дочь свою, российскую государыню! Так подумала Елизавета и размашисто перекрестилась.

От этого неосторожного движения Мавра Егоровна нечаянно выпустила шнурки уже совсем было затянутого корсета, и весь ее получасовой труд по превращению обширной талии императрицы в осиную пропал втуне.

– А, за-ра-за! – пробормотала Елизавета, ловя свалившийся корсет и с некоторым недоумением озирая свои выпущенные на волю более чем пышные формы. – С чего это я так раздалась?

– Небось раздашься, ежели станешь на Масленой неделе по две дюжины блинков в один присест лопать! – буркнула Марья Богдановна Головина, вдова адмирала Ивана Михайловича Головина, по прозвищу Хлоп-баба. Марья Богдановна была столь зла, что, совершенно как змея, яду своего сдержать не могла. Добросердечная Елизавета ее за это жалела и не слишком-то обижалась – тем паче что насчет блинков сказана была чистая правда.

– Да будет тебе, – беззлобно усмехнулась императрица. – Не все коту Масленица, придет и Великий пост, а там ни щей мясных, ни буженины, ни кулебяки, ни каши гречневой с топленным маслом... Стану один квас пить да варенье есть, ну и опять отошаю, что весенняя волчица.

Графиня Анна Карловна Воронцова, урожденная Скавронская, двоюродная сестра Елизаветы по матери, подавила горестный вздох. Она знала истовость императрицы в исполнении церковных обрядов. Стороннему наблюдателю во время Великого поста могло показаться, что Елизавета всерьез решила уморить себя голодом: ей даже случалось падать в обморок во время богослужений (скромного-то нельзя, а рыбы она не любила). Приближенные наперебой подражали ей, и Анна Карловна заранее страдала от предстоящих голодовок.

⁴ Эта история рассказана в книге Е. Арсеньевой «Прекрасные авантюристки».

Приотворилась дверь, и графиня увидела мелькнувшее в щелке встревоженное лицо мужа, вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. Перехватив его напряженный взгляд, Анна Карловна чуть заметно пожала плечами и воздела глаза к небу. Это означало: надо ждать.

Впрочем, Воронцов и сам знал, что к императрице можно прорваться для серьезного разговора не прежде, чем она посоветуется о прошлом и о будущем с окружающими ее образами святых, а это может длиться часами. И уж конечно, не прежде, чем ее зеркало удостоверит, что нет никого прекраснее в мире, нежели императрица Елизавета Петровна.

Это была отчасти правда... Французский посланник маркиз Брейтейль доносил своему двору: «Нельзя лучше чувствовать себя и соединять в ее возрасте более свежий цвет с жизнью, созданной для того, чтобы его лишиться; обыкновенно она ужинает в два-три часа ночи и ложится спать в семь часов утра. Впрочем, эта свежесть достигается с каждым днем все с большим трудом. Четырех, пяти часов времени и всего русского искусства едва достаточно ежедневно для того, чтобы придать ее лицу желаемую обольстительность!»

Страсть к нарядам и к уходу за своей красотой у русской императрицы граничила с безумием. Как говорится, всяким модам свойственно подвергаться преувеличению. У Елизаветы в 1753 году, при пожаре одного из ее московских дворцов, сгорело четыре тысячи платьев. Впрочем, их еще оставалось десятка полтора тысяч, да плюс полные сундуки туфель, шелковых чулок, сотни кусков французских тканей. Многие платья она не надела ни разу в жизни, потому что более всего любила светлые или белые материи, затканые золотыми или серебряными цветами, а темные так и оставались в шкафах. Впрочем, чтобы, Господи помилуй, мимо нее не прошло ничто новое, прибывшее из королевства мод, она приказывала своим поверенным немедленно посещать *все* прибывающие в Санкт-Петербург корабли и покупать *все* новинки, привозимые ими. Прежде чем кто другой их увидит! – говорила Елизавета Петровна...

Между тем время утреннего туалета императрицы шло да шло. Сражение с корсетом было наконец выиграно; настал черед прически. Прекрасные рыжие волосы государыни уже отросли – так же, как волосы всех ее придворных дам. Анна Карловна с некоторой дрожью вспомнила недавнюю жуткую затею государыни: как-то раз, не в силах смыть дурную краску со своих волос, придавшую им неприятный белесый оттенок, она просто-напросто велела обрить себе голову. Елизавета пожалела об этом через минуту – когда нацепила вороной парик и в очередной раз убедилась, что носить *это* ей противопоказано. Вообразив изящно причесанные головки ее придворных дам и среди них свою, напоминающую воронье гнездо, Елизавета вскипела – и мигом отдала приказ всем – всем до единой! – дамам, являвшимся во дворец, в первую очередь своим фрейлинам и ближним дамам, называемым чесальщицами, также обриться и нацепить черные парики. Боже мой, какой это был ужас, сколько слез пролилось тогда, сколько проклятий вырвалось сквозь стиснутые зубы! Хотя, казалось бы, уже пора было бы дамам привыкнуть к чудачествам Елизаветы Петровны! Она никому не позволяла делать новую прическу прежде, чем вволю не наносится ее сама. Ослушавшихся ждала самая строгая кара. Анна Васильевна Салтыкова получила увесистую пощечину на балу (а ведь отец ее принимал самое деятельное участие в перевороте 1741 года!) за прическу *à la coque*. Да и участь Натальи Федоровны Лопухиной, чья жизнь и судьба рухнули после того, как она решилась завить локоны и украсить их розой (в нарушение императрицына запрета!), еще не забылась, хоть с той поры прошло более десяти лет.⁵

Впрочем, дураков вокруг Елизаветы было гораздо меньше, чем она полагала, и люди прекрасно понимали, что роза в прическе имеет к причинам ссылки Лопухиной такое же отношение, как куверт Елисаветки, поставленный на ненадлежащее место Рейнгольдом Левенвольде, обер-гофмаршалом и распорядителем стола императрицы Анны Иоанновны. Высокомерный

⁵ Эта история описана в книге Е. Арсеньевой «Прекрасные авантюристки».

русофоб Рейнгольд некогда отверг авансы Елисаветки, а Лопухина, бывшая старше императрицы на десять лет, имела наглость считаться первой красавицей при дворе...

Словом, пример Натальи Федоровны научил смирению даже самых строптивых, и более в модницы никто не лез. Впрочем, оттого, что государыня меняла платья ежедневно, а иногда и ежечасно (например, на балах, когда, вволю наплясавшись, соизволяла взопреть), дамы хотя бы по части нарядов не слишком отставали от моды.

Так вот насчет бритья головы. Анна Карловна, едва попавшая (благодаря замужеству с Михаилом Воронцовым, близким другом императрицы и участником достопамятного переворота) в почетное и труднодостижимое число чесальщиц императрицыных пяток, рвала бы на себе волосы, ежели, после вмешательства цирюльника, осталось бы, что рвать. Главное дело, она так гордилась, что окажется в числе этих дам, которые составляли особенный штат государыни и чьи обязанности состояли в том, чтобы почесывать ей пятки (Елизавета обожала это!) и вести приятную беседу во время ночных бдений императрицы – до самого утра. Попав в чесальщицы, Анна Карловна вмиг стала в разряд таких влиятельных особ, как Мавра Шувалова, Марья Головина, Екатерина Шувалова, родная сестра фаворита Ивана Ивановича, и страшно этим кичилась. Ведь все понимали силу словца, вовремя нашептанного среди ночи в ушко императрицы, и даже дипломатический корпус заискивал перед чесальщицами государыни. Но когда пришел приказ от императрицы незамедлительно облысеть, графиня Воронцова сначала сочла, что это чрезмерно дорогая цена за высокое положение. Но тотчас образумилась: уж лучше расстаться с волосами, чем с головой: волосы-то вырастут, а голова – навряд ли. К тому же очень кстати стали носить маленькие, едва взбитые прически, да еще прикрывали их нарядными сетками, усыпанными драгоценными камнями, поэтому разрушения, причиненные злобной волей взбалмошной повелительницы, удавалось легко замаскировать.

Однако с тех пор Анна Карловна не без страха наблюдала за туалетом императрицы: а ну как той вновь вдарит моча в голову? Вон, углядит на своей лилейной щеке малый прыщ – и постановит всем придворным дамам себе рожи до крови уязвить на том же самом месте! Звучит нелепо, а ведь с нее станется, с императрицы-то! К примеру говоря, на маскарадах, которые соперничают в Елизаветином сердце с богомольями и следуют один за другим (Елизавета унаследовала от отца страсть к переодеваниям), всем мужчинам велено являться в женских платьях (в юбках с широченными фижмами, с которыми кавалеры не знали, как управиться!), а женщины должны надевать камзолы французского покроя, короткие штаны и обтягивающие чулки. Делалось сие исключительно ради того, чтобы Елизавета могла выставить напоказ свои очень стройные и красивые ножки и лишний раз убедиться в том, что никто из дам не может соперничать с нею и в этой области!

Позади Анны Карловны вновь ворохнулась дверь, и она едва успела оглянуться и послать мужу предостерегающий взгляд, как Елизавета тоже поглядела на дверь.

– Что это сквозит? – спросила недовольно. – Кто там рвется, кому так не терпится? Почудилось мне, иль вице-канцлер за дверью мелькает?

– Правда твоя, матушка, – отозвалась Мавра Егоровна, – и вице-канцлер, и самый канцлер тоже – оба-два там.

Анна Карловна чуть не ахнула от изумления: как это удалось Мавре Егоровне, ни разу не оглянувшись, не только различить Михаила Илларионовича, чуть видного в щелочку, но и усмотреть вовсе не видного отсюда Алексея Петровича Бестужева-Рюмина? Елизавета усмехнулась:

– Ишь ты! И не перегрызли же глотку друг другу, а?

Чесальщицы захохотали. Анне Карловне тоже пришлось соорудить на лице улыбку. О взаимной и очень острой неприязненности вышеназванных господ было известно всем. Суть состояла не в том, что они соперничали за благосклонность императрицы. Воронцов, ее стариннейший друг, некогда камер-юнкер при дворе царевны Елисаветки, снабжал ее деньгами,

которые черпал из кармана своего брата Романа, женатого на баснословно богатой купчихе, а в ночь переворота шел в Зимний с нею рядом. То есть Елизавета была к Воронцову благосклонна всегда, хотя и не находила в нем того блеска ума и тех дипломатических талантов, которыми обладал Бестужев-Рюмин. Елизавета охотно поверила в его невиновность во время заговора маркиза Ботта, подвергнув экзекуции и сослав ненавистных Лопухиных и расставшись со своим верным сторонником и прежним другом Лестоком (к слову, тоже участником и где-то даже вдохновителем того приснопамятного переворота). То есть, ежели будет позволено так выразиться, Воронцов и Бестужев оба владели переменчивым сердцем императрицы (в чисто деловом смысле, разумеется!). Однако в ту пору два направления внешней политики разделяли государственных людей в России. Одни желали союза России с Пруссией и Англией, другие склонны были к союзу с Францией и Австрией против Пруссии. Бестужев придерживался первого направления, Воронцов горой стоял за второе. И каждый беспрестанно пытался перетянуть императрицу на свою сторону. И степень старания каждого зависела от количества уплаченных им денег...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.